

JAN CZERNIAKIEWICZ

Centrum Nauczania i Certyfikacji Języków Obcych UMCS

Семантика некоторых славянских лексем праиндоевропейского происхождения

Semantyka niektórych leksemów słowiańskich pochodzenia praindoeuropejskiego

Известные нам труды польских и зарубежных исследователей в области лексики преимущественно посвящены изучению унаследованных праславянских и общеиндоевропейских лексем современными языками индоевропейской семьи, а также взаимным заимствованиям неологизмов, развившихся в группах племён, которые впоследствии образовали самостоятельные языки индоевропейской семьи: Т. Лер-Сплавински¹, Л. Мошински², Л. Беднарчук³, Х. Бирнбаум⁴ Е. Курилович⁵, Й. Сафаревич⁶, Ф. Славски⁷, З. Голomb⁸. Нашей целью – попытаться вскрыть закономерности использования ассоциаций основного значения общеиндоевропейских корневых морфем в развитии праславянской лексики.

¹ T. Lehr-Splawiński, W. Kuraszewicz, F. Sławski, *Przegląd i charakterystyka języków słowiańskich*, Warszawa 1954, s. 24–27.

² L. Moszyński, *Wstęp do filologii słowiańskiej*, Warszawa 1984, s. 205–207.

³ L. Bednarczuk, *Język praindoeuropejski. Morfologia*, [w:] L. Bednarczuk i inni, *Języki indoeuropejskie*, T. I., Warszawa 1986, s. 25–35.

⁴ X. Бирнбаум, *Праславянский язык. Достижения и проблемы в его реконструкции. Лексикология*, Москва 1987, с. 148–162.

⁵ J. Kuryłowicz, *Studia językoznawcze*, Warszawa 1987, s. 402–423.

⁶ J. Safarewicz, *Stanowisko języków italskich w rodzinie indoeuropejskiej. Morfologia. Składnia. Słownictwo*, [w:] L. Bednarczuk i inni, *Języki indoeuropejskie*, T. II, Warszawa 1988, s. 531–562.

⁷ F. Sławski, *Język prasłowiański*, [w:] L. Bednarczuk i inni, Ук. соч., s. 909–1001.

⁸ Z. Gołąb, *O pochodzeniu Słowian w świetle faktów językowych. Rozwarstwienie słownictwa prasłowiańskiego. Praojczyzna Słowian w świetle świadectw hydronimii, dendronimii i etnonimii*, Kraków 2004, s. 73–167, 210–268.

Все современные языки индоевропейской семьи, как известно, происходят от одного языка – общеиндоевропейского (о. и. е.). Казалось бы, что мы должны понимать речь иностранцев одной и той же языковой семьи. Однако это бывает не так. Одни термины мы понимаем, несмотря на то, что они в разных языках оформлены согласно нормам каждого конкретного языка. Другие же термины для нас непонятны. Возникает вопрос: в чём же причина? Сопоставляя термины одного и того же предмета разных индоевропейских языков, мы приходим к выводу, что как в о.и.е, так и в начальном периоде развития праславянского языка один и тот же предмет с незначительной разницей именовался разными словами. Со временем в разных диалектах, впоследствии давших самостоятельные языки, строгое разграничение близких понятий по значению стиралось. Это повлекло за собой смешение терминов: в одних диалектах доминировали слова, определявшие какое-то понятие, а в других понятие иное близкое по значению.

1. СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ БЛИЗКИЕ ПО СВОЕЙ СЕМАНТИКЕ

1. ТЕРМИНЫ: [педъ, коркъ] –нога

Первичное лексическое значение слова нога имело два термина. Нога человека определялась названием *[pĕdūs > pedъ], а нога некоторых животных и птиц – *[kōrkūs > korкъ]. Ср. *[pĕdūs > pedъ] > лат. ped, Р.п. ед. ч. pedis – “нога”; *[kōrkūs > korкъ] > ст.-сл. дългокрак – “долгоножка” – вид насекомого с длинными ногами.

В начальном периоде развития праславянского языка, как кажется, составные части ноги – члена животного, также имели свои термины. Самая нижняя их часть ступня некоторых видов животных определялась термином *[nōgās > noga] > лит. paga, – “копыто”, nāgas – “ноготь”.

Впоследствии эти два разграничивающих термина ноги и её членов начали стираться. В каждом из диалектов закрепился какой-то один, определявший член организма как животного, так и человека: *[kōrkūs > korкъ] > болг. крак – “нога”. В иных славянских языках термин *[nōgās > noga] – “копыто” распространился на всю ногу. Ср. рус. нога, белорус. нага, польск. noga и т. д.

Производные же слова преимущественно образовывались от корня производящего слова, закрепившегося в каждой из диалектных языковых групп: от корня *[pĕd-]: лат. pes, Р.п. ед.ч. pedis – “нога”, латышск. pēds – “шаг”, др.-инд. pedyate – “идёт”, padam – “след стопы”; *[pēs > pĕхъ] > рус. пеший – “идуший пешком”, франц. pédale – “рычаг для ноги”; лит. nāgas – “ноготь”, гот. pagljan – “царапать”; *[kōr-]: > рус. окорок. Образован этот термин посредством приставки [о-] – “кругом” и суффикса [-ок- < -ък- < -ŷk-]; польск. krok – “шаг”, укр. крок – “тж.”.

2. ТЕРМИНЫ: ДИТЯ, ЧАДО, ОТРОК, РЕБЁНОК

а) дитя

Термин “дитя”, видимо, развился от о.и.е. корня *[dhē-] – “кормить грудью, сосать”. Праславянское же наименование *[dētę] – “дитя”, по всей вероятности, образовалось от о.и.е. глагольного корня *[dhē-] путём присоединения старого причастного суффикса *[-ent-], обозначающего детёнышей вообще, и вставного консонантного *[-t-] между двумя вокальными *[-e-], а также и указателем конца слова *[-s]: *[dhē+t+ent+s > dētę (dh > d, en > e; ts – отпало)] – “сосущее” > ст.-сл. **дѣтище** – “дитя”, рус. арх. **дѣть** – “ребёнок мужского пола”, белорус. дзіця, польск. dziecko, dziecię, укр. дитя. Ср. греч. [dēlē] – “материнская грудь”, лит. dèle – “пиявка”, др.-инд. dhāyati – “сосать”, латышск. dēt – “тж.”, др.-в.-нем. tæen – “кормить грудью”.

б) чадо

Праславянское слово *[čędo < čędos < kendōs] – “недавно родившееся”, как кажется, происходит от корня *[čęd- < kend-] *[kentīs]. Последний же, в свою очередь, восходит к о.и.е. корню *[kend-] – “зачать, начать”. Праславянское *[čędo < kendōs] > ст.-сл. **чадо** – “дитя”, рус. уст. чадо – “дитя”, ст.-польск. czędo – “дитя”. Ср. нем. Kind – “дитя”, греч. [kainos] – “новый”, лат. ge-cens, ge-centis – “недавний, только-что родившийся”, др.-инд. kaṇīna – “молодой”. Этимологические словари не приводят конкретного определения границы возраста⁹. По нашему мнению, этот возраст определялся примерно от прекращения кормления ребёнка грудью до семи лет, так как дети в возрасте семи лет выполняли некоторые виды работы. В этом возрасте отдавали детей в рабство.

в) отрок

Отрок – это мальчик в возрасте между ребёнком и юношей (7-15 лет). Такое название, видимо, относилось к детям, проживавшим вместе со своими родителями, то есть к детям, которые не были отданы на работу за долги в рабство. Термин *[ōtrǫkъ < ōtrōkūs] образовался, как кажется, от о.и.е. корня *[rǫk-] глагола *[rǫktīs > rečъ (kt > č)] – “говорить” и приставки *[-ōt-] – “не”, а также меной корневого вокального *[e:o], что является закономерностью образования иной части речи. *[ōtrǫkъ] первоначально мог обозначать “не получивший право голоса мужчины”.

⁹ Г.П. Цыганенко, *Этимологический словарь русского языка*, Киев 1970, с. 531; Н.М. Шанский, В.В.Иванов, Т.В. Шанская, *Краткий этимологический словарь*, Москва 1971, с. 486.

г) ребёнок

Термин ребёнок восходит к праславянскому *[rabę (roбę) < rōbents < ōrbhents] – “дитя”, который в праславянском языке развился посредством суффикса старого причастия *[-ent-], обозначающего детёнышей вообще и указателя конца слова *[-s]. Праславянское *[rabę (roбę)] в свою очередь происходит от о.и.е. корня *[ōrbh-] глагола *[ōrbhōtātis > rōbōtātis > rabotati (robotati)]. В то же время в диалектах, с которых развился русский язык, слово ребёнок произошло от праславянского существительного *[rabę (roбę)] при помощи уменьшительного суффикса *[-ък- < -ŭk-] и окончания *[-ŭ-] с указателем конца слова *[-s]. Праславянское *[rabę (roбę)] > др.-рус. робенькъ, др.-польск. gobionek – “дитя”, рус. ребёнок. Ср. лат. orbis – “лишённый чего-нибудь”, арм. orb – “сирота”, др.-ирл. orbe – “наследник”, др.-инд. árbbhas – “слабый”. В словаре М.Н.Шанского отмечается, что в русском языке в форме слова робёнок > ребёнок звук [o] в корневой морфеме изменился в [e] в результате межслоговой ассимиляции¹⁰. С таким мнением можно полностью согласиться. Как кажется, термин ребёнок возник позже предыдущих терминов, а именно с развитием рабовладельческого строя. Наименование ребёнок определял тот же возраст, что и термин отрок. Разница в том, что словом ребёнок определялись дети, которые попали в рабство за долги обедневших родителей или осиротевшие дети, ставшие собственностью других лиц.

Опираясь на анализ наименования детей, можно предположить, что ещё в о.и.е. языке было два термина, определявшие возраст детей: название дети произошло от о.и.е. корня *[thē-] – “сосущий”, то есть грудной ребёнок и *[čędo < kendōs] – “недавно родившееся, молодое”. Это возраст отлучённого от груди ребёнка, а продолжался он до возраста семи лет. На о.и.е. происхождение может указывать факт сохранения в немецком языке термина **Kind** – “дитя”.

Следующих два термина, видимо, развились уже в праславянском языке в период смены первобытно-общинного строя на рабовладельческий. Возникла необходимость дать два наименования возрасту детей от семи до пятнадцати лет. В этом возрасте дети уже могли выполнять некоторые виды работы. Обедневшие родители отдавали своих детей в рабство за свои долги и они также, как и осиротевшие дети, попадали в неволю своих господ. Такие дети получили наименование *[rabenъкъ (roбенькъ) < rōbenŭkŭs < ōrbenŭkŭs], которое образовалось от слова *[rabota < rōbōtās < ōrbōtās]. Дети же свободные в доме своих родителей именовались *[otрокъ < ōtrōkŭs] – “не имеющие права голоса мужчины”. Такому мнению способствует значение

¹⁰ Н.М. Шанский и др., Ук. соч., с. 386.

префикса *[ot-] “не” и корневой морфемы *[tok-] – “говорящий” в составе данного слова.

Со временем уже в самостоятельных языках индоевропейской группы различия в наименовании детей по возрасту начали стираться и в каждой из языковых групп закрепился какой-то один термин или два, как в русском языке: в ед. ч. ребёнок, а во мн. ч. дети.

3. ТЕРМИНЫ: БЛЕСК, МОЛНИЯ, РЫК, РЁВ

Нижеприведённые о.и.е. корневые морфемы разные по звуковому составу, но близки по своей семантике:

а) блеск

*[bh- + l-]

*[bh|skūs > byl̥skūs (bh > b) > bl̥skūs > bl̥skūs > bl̥skъs > bl̥skъ] > ст.-сл. **блѣскъ** – “блеск, сияние”, **блистаніе**, **блисканіе** – “блеск, молния”, **блещаніе** – “блеск, сияние; ц.-сл. **бльскъ** – “блеск, молния”, рус. блеск, белорус. бляск, бліскавица, маланка – “молния”, польск. blask, błyskawica – “молния”, серб. блистанье, хор. blisk, хорут. blisk;

б) молния

*[ml-]

*[m|n̥iās > m̥lnijas > m̥lnija] > ст.-сл. **млънии** – “молния”, рус. молния, белорус. маланка – “молния”. Ср. санскр. mṛg – “ударять, убивать”, др.-прусс. maldai – “молния”, др.-скатд. myln – “огонь”;

в) рык

*[rū-]

*[rūkūs > rukъs > rukъ – “рык коров”] > ст.-сл. **ръкъ**, **ръканіе**, рус. рык, белорус. рык, польск. гук. Ср. лит. gaudà – “рыдание”;

г) рёв

*[r̥eu-]

*[r̥eūys > reuъs > reuъ – “рёв зверя”] > ст.-сл. **ръканіе**, **ръкъ**, рус. рёв льва, белорус. рык, польск. гук, guszenie.

Рассматриваемое гнездо о.и.е. корневых морфем, содержащих близкое семантическое значение, по всей вероятности, постепенно теряло его в разных племенах индоевропейской семьи. Корневые морфемы со строгим разграничением содержания становились или взаимозаменяемыми, или обозначали два разных понятия, то есть во многих современных языках эти корневые морфемы приобрели синонимический характер.

II. ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ БЛИЗКИЕ ПО СВОЕЙ СЕМАНТИКЕ

1. ТЕРМИНЫ: БЕЛЫЙ, БЛЕДНЫЙ, БЛЕКЛЫЙ

Праиндоевропейцы, заселявшие южную часть России находились в степной зоне и поэтому не имели соприкосновения с некоторыми признаками предметов по цвету. Вокруг была степь. Люди могли встречать неопределённые цвета предметов: цвет поверхности стоячей воды, признак которой определялся корневой морфемой.

*[bhloiks-] – “яркий” – в солнечную погоду, цвет высохшей грязи – *[bhǫ- + l] – “бесцветный”. В то же время при определении цвета снега, который мог быть тускло-белым из-за степных ветров, смешивавших его с земной пылью, дали определение ему корневой морфемой *[bhǫ- + r]. Для указания на признак предмета, видимо, использовался суффикс *[-l-], а суффикс *[-r-] вместо *[-l-] указывал на обилие признака, который назван в корне.

Когда племена разных языковых групп индоевропейской семьи мигрировали в зону лесов и болот, они встретились с неизвестными предметами растительного мира, имевшими разные признаки по цвету. Пришлось давать свои наименования тем предметам, а также их признакам. И то, что ассоциировалось со значением о.и.е. корневых морфем, получало определение с использованием содержания рассматриваемых корней.

После распада о.и.е. общности в конце III-го тысячелетия до н.э.¹¹ и к началу 2-ой миграции индоевропейцев на юг, запад и север ок. XV в. до н.э.¹² наступило стирание строгого разграничения указанных признаков по цвету. Это привело к смешиванию корневых морфем в разных диалектах языковых групп при их использовании в наименованиях новых предметов или их признаков. Такое мнение возникло в результате анализа терминов одних и тех же предметов и их признаков по цвету в разных самостоятельных языках индоевропейской языковой семьи.

В о.и.е. языке, как кажется, корневая морфема *[bhloiks-] содержала значение ярких. Конкретные признаки цветов от данного корня достигались путём наращивания определённых суффиксальных морфем или образовывались бессуффиксальным путём при помощи окончания:

[bhloiks-] – “яркий”

а) белый

*[bhloiks- + ŭ]

*[bhloiksŭs > bloiksŭs (bh > b) > boilksŭs > (loi > oil, lks > l) > boilŭs > běľs (oi > ě) běľ] > ст.-сл. **бѣлѣй** – “светлый, белый”, рус. белый, белорус. белы, польск. biały. Ср. кельт. belo – “бе-

¹¹ T. Lehr-Splawiński, W. Kuraszewski, F. Sławski, Ук. соч., s. 29.

¹² L. Moszyński, Ук. соч., s. 178–179.

лый, блестящий, греч. [phalos] – “тж.” (ph < bh), нем. weis – “тж.” (ph < bh)

б) бледный

*[bhloiks- + d]

*[bhloiksdūs > bloiksdūs (bh > b) > bloidūs (ksd > d) > blēdъs (oi > ё) (bloidīnūs) > blēdъs (blēdъns) > blēdъ (blēdъnъ) > ст.-сл. блѣдънѣй – “бледный, светлый”, блѣдостъ – “бледный цвет”, рус. бледный : бледен, белорус. бледны, польск. blady. Ср. др.-англ. blat – “бледный”, латышск. bāls – “тж.”.

в) блеклый

*[bhloiks- + l]

*[bhloikslūs > bloikslūs (bh > b) > bloikslūs (ksl > kl) > blēklūs > blēklъs > blēklъ] > ст.-сл. блещанна – “поблѣкая” (о траве), рус. блѣклый, белорус. бяклы, польск. zblakły, wyblakły.

г) бесцветный

*[bhōl- + t]

*[bhōltōs > bōltōs (bh > b) > boltos > bolto] > ст.-сл. блато – “болото”, рус. болото, белорус. балота, польск. разгов. błoto. Ср. лит. bolúoti – “отливать белым”, báltas – “белый”, balá – “торфяное болото”, алб. baltë – “грязь, топь, болото”.

д) тускло-белый

*[bhēr- + s]

*[bhērsās > bērsās > berzas (s > z) > berza – “название по цвету коры”] > ст.-сл. брѣза – “берёза”, рус. берёза, белорус. бяроза, укр. береза, польск. brzoza, серб. бреза – “берёза”, чеш. briza – “тж.”, полаб. brož – “тж.”. Ср. лит. beršta – “белеет”, bēžtas “берёза”, алб. bardh – “белый”, гот. bairhts – “светлый, блестящий”, латышск. bēžs – “берёза”, др.-исл. bjork – “тж.”, др.-в.-нем. birka – “тж.”¹³.

2. ТЕРМИНЫ: ГОЛУБОЙ, ЖЁЛТЫЙ, ЗЕЛЁНЫЙ

В праиндоевропейском языке названия многих признаков предмета по цвету, вероятно, давались на основании естественных признаков и опреде-

¹³ Примечание: Содержание корня качественного прилагательного *[bhōl-] – “бесцветный” в некоторых праславянских племенах после их миграции в зону лесов и болот, видимо, послужило определению некоторых предметов, ассоциировавшихся с белизной. В то же время содержание корня *[bhēr-] – “тускло-белый”, также ассоциировавшегося с белым цветом, не нашло своего применения в определении качественных прилагательных, но явился он основой названия дерева по цвету его коры.

лялись они конкретными корневыми морфемами: цвет ясного неба *[ghǝ-] – “голубой”, цвет неба при закате солнца или цвет песка *[gĩ-] – “жёлтый”, цвет листьев растений *[ghě-] – “зелёный”. Качественные прилагательные в о.и.е. языке, по всей вероятности, оформлялись в данной группе слов суффиксальной морфемой *[-l-]. Основа этих прилагательных явилась производящей для ряда праславянских однокоренных слов. Такое мнение основывается на сопоставлении разных частей речи самостоятельных современных языков индоевропейской семьи:

а) голубой

*[ghǝl-]

*[ghǝlombŭs > gǝlombŭs (g < gh) > golǝbъs > golǝbъ] > рус. голубой. Ср. др.-прусс. golimban – “голубой”; ст.-сл. голубъ, рус. голубь, сербск. голуб, чеш. holub, в.-луж. holb, hojb – “голубь”, польск. gołąb, лат. columba (c < gh) – “голубь”, санскр. kâdamba (k < gh, d < l) – “тж.”, лит. gulbė – “лебедь”; рус. голубить – “делать голубым”, голубеть – “становиться голубым”.

б) жёлтый

*[gĩl-]

*[gĩltŭs > gŭltъs > žŭltъ (ž < g) > želtъ] > рус. жёлтый, белорус. жоўты, польск. żółty. Ср. др.-в.-нем. gelo – “жёлтый”, лит. geltas – “тж.”, лат. flaus (f < g) – “жёлтый, золотистый”; рус. желтеть – “становиться жёлтым”, желтить – “делать жёлтым”.

в) зелёный

*[ghěl-]

*[ghělŭs > gělŭs (g < gh) > zelъs (z < g) > zelъ] > рус. зелёный, белорус. зялёны, польск. zielony; ст.-сл. зѣлѣ – “трава, зелье”; ст.-сл. зѣленоватисѣ – “становиться зелёным”, рус. зеленеть – “становиться зелёным”, зеленить – “делать зелёным”.

г) золотой

*[ghǝl- + ghěl-] > *[zol-]

*[ghǝl- + ghěl-] > *[zǝltŭs (z < g) > zoltъs > zoltъ] > ст.-сл. златѣ – “золотая монета, сикль”, рус. золотой, белорус. залаты, польск. złoty, Ср. лит. želtas – “золотисто-жёлтый”; *[zǝltōs > zolto] > ст.-сл. злато, рус. золото, белорус. золата, польск. złoto. Ср. латышск. zeltas – “золото”, др.-в.-нем. gold – “золото”, нем. Gold – “тж.”.

Согласно Г.П.Цыганенко, термин золото развился из о.и.е. языка *[gheltōs] – “нечто блестящее, жёлтое”. По нашему мнению, металл золото

на территории обитания праиндоевропейцев был найден после распада праиндоевропейской общности, на что указывает неодинаковое образование слов, характеризующих этот металл, в разных языках индоевропейской семьи. Ко времени открытия этого металла, как кажется, уже во многом упростились как консонантные фонемы, осложнённые придыхательным элементом *[h], так и вокальные, противопоставлявшиеся количественной характеристикой. В данном случае о.и.е. производящие основы прилагательных потеряли строго семантическое разграничение и оказались синонимическими: *[gīl- > zyl- > zel-]; *[ghōl- > gōl- > gol-]; *[gěl- > žel-]. Такое упрощение фонемы *[gh > g] привело к совпадению с фонемой *[g], а это способствовало схожести звучания рассматриваемых основ, то есть начала проявляться синонимичность данных основ. Отсюда произошло смешение использования этих основ при названии металла золото. Ср. праслав. *[zoltōs > zolto] > ст.-сл. **злато** рус. золото, белорус. золата, польск. złoto и латышск. zēlts – “золото”, лит. želtas – “золотисто-жёлтый”, др.-в.-нем. gold – “золото”, нем. Gold – “гж.”. Из приведённых примеров видно, что в одних диалектах племён, давших самостоятельные языки, образовался термин существительного золото, а термин прилагательного – от основы *[ghīl- > žyl- > žel-] – “жёлтый” (лит. želtas). В диалектах других племён – от основы *[ghōl- > gol-] – “голубой”. Таким образом произошло смешение содержания основ *[ghōl- и zel- < ghēl- – “зелёный” (прасл. *zolto, рус. золото, польск. złoto и др.), или же смешение понятия основ *[gol- и žel- < gyl- < gīl- – “жёлтый” (нем. Gold), в которых произошло одновременно и смешение звуков *[z < gh, ž < g].

3. ТЕРМИНЫ: СЕДОЙ, СИВЫЙ, СЕРЫЙ

В праиндоевропейском языке корневые морфемы прилагательных *[soi, sīu-] определяли конкретный цвет, а суффиксальная морфема указывала либо на обилие признака, либо на принадлежность его к людям, животным или предметам: суффиксальная морфема *[-d-] указывала на состояние волос человека. В то же время суффиксальная морфема *[-r-] – на обилие признака, который назван в корневой морфеме и относился к масти животных или к предмету, например: *[soidūs ūuōlsūs > sēdъs ъvolsъs > sēdъ volsъ] – “седой волос”; *[sīuās sīrkītis > sivas sīrstъs (rks > rs) > siva serstъ] – “сивая шерсть”; *[soirās tonkīiās > sēras tōkjas > sēra tōča] – “серая туча”.

а) седой

*[soi- + d-]

*[soidūs > sēdъs > sēdъ] > ст.-сл. **сѣдъ**, **сѣдатый** – “седой”, **сѣдинавь** – “седоват”, др.-рус. **сѣды**, рус. седой, укр. сідий.

б) сивый

*[sīu-]

*[sīuūs > sīvъs > sīvъ] > ст.-сл. **сивъ**, **сивый** – “седой, белый”, рус. сивый, белорус. сiвы, польск. siwy. Ср. гот. skeinan – “светить”, греч. [skoios] – “тенистый”, серб. сивац.

в) серый

*[soi- + r-]

*[soirūs > sěгъs > sěгъ] > ст.-сл. **сереный** – “серый, белый” (о лошадиной масти), др.-рус. сѣрьи, рус. серый, укр. сірий.

Со временем в некоторых индоевропейских племенах, диалекты которых впоследствии развились в самостоятельные языки, строгое разграничение содержания рассматриваемых морфем начало стираться. Это привело к их синонимичности, что способствовало доминации какого-нибудь одного признака. Лишь в племенах, давших русский язык, сохраняются эти различия.

III. ГЛАГОЛЫ БЛИЗКИЕ ПО СВОЕЙ СЕМАНТИКЕ**1. ТЕРМИНЫ: КИСИТЬ, КВАСИТЬ, КИПЕТЬ**

В о.и.е. языке состояние или действие процесса с малейшей разницей определялось отдельной корневой морфемой. Со временем семантическое разграничение глаголов по незначительным признакам противопоставления постепенно стиралось в индоевропейских диалектах. Это привело к тому, что производные слова не во всех племенах образовывались от одной и той же о.и.е. производящей основы. Разница в состоянии или совершении действия выраженных теми же корневыми морфемами достигалась применением всевозможных суффиксальных морфем:

а) кисить

*[kū-]

*[kūsātis > kysatis > kysati – “делать кислым”] > ст.-сл. **кысѣльство** – “острота, зуд”, рус. закисать, прокисать, чеш. kysati – “киснуть”;

*[kūsnonītis > kysnQti > kysnQti – “делаться кислым”] > ст.-сл. **кыснѣти**, рус. киснуть, белорус. кіснуць, укр. киснути, польск. kisać. латышск. kūsāt – “кипятить”, kūsuls – “минеральный источник”.

б) квасить

*[kūu-]

*[kūuāseitīs > kъvasitis > kvasiti – “подвергать брожению”] > ст.-сл. **квасъ** – “закваска, дрожжи”, рус. квасить, польск. kisić, чеш. kyseliti – “ква-

силь”, сербохорв. кисељак – “щавель, кисить”. Ср. гот. hvatjan – “пениться”, др.-инд. kvāthās – “отвар”, нем. Kwasses – “квас”;

*[kūuāsātis > kvasatis > kvasati – “прокисать, портиться”] > рус. проки- сать, перекинуть, польск. przekisnąć.

в) кипеть

*[kūr-]

*[kūroitīs > курētis > курēti – “бурлить, клокотать”] > ст.-сл. **күпѣти**, рус. кипеть, белорус. кіпець, укр. кіпити, польск. кіпіеć. Ср. латышск. kūrēt – “дымиться”, лит. kūrėti – “бурлить”, др.-инд. kūrūati – “он кипит гневом”;

*[kūpenteitīs > куpētītis > куpētīti – “принуждать кипеть”] > рус. кипя- тить, белорус. кіпяціць.

Эта форма глагола образовалась от основы прич. наст. врем., которое, в свою очередь, развилось от глагольного корня *[kūr-] посредством старого суффикса *[-ent]: *[kūr+ent+eitīs > куpētītī].

Итак, в самостоятельных индоевропейских языках о.и.е. рассматривае- мые глаголы потеряли свою семантику, а приобрели синонимичность.

2. ТЕРМИНЫ: СИЯТЬ, СВЕТИТЬ, СВЕРКАТЬ, БЛИСТАТЬ, БЛЕСТЕТЬ

Нижеследующее гнездо о.и.е. корневых морфем с натуральным источ- ником их действия, содержащегося в этих морфемах:

а) сиять

*[skhei-]

*[skheientīs > seientīs (skh > s) > siētīs (ei > i, en > e) > siēti – “интенсивно излучать свет”] > ст.-сл. **сиати** – “блестеть”, рус. сиять, польск. błyszczecь, blask – “сияние”. Ср. готск. skeinan – “светить, блестеть”;

б) светить

*[skhūu-]

*[skhūuoiteitīs > sūuoiteitīs (skh > s) > svētītīs (> ūu > ъv, oi > ѓ, ei > i) > svētīti > svētīti – “излучать свет”] > ст.-сл. **свѣтити**, рус. светить, белорус. свяціць, укр. світити, польск. świecić;

в) сверкать

*[skhūu-]

*[skhūuerkātīs > sūuerkātīs (skh > s) > sverkatīs (ūu > ъv) > sverkatī – “излу- чать свет прерывисто”] > ст.-сл. **сверкати** – “блистать”, рус. сверкать, вспы- хивать, белорус. бліскаць, польск. błyskać – “блистать”;

г) блистать

*[bhlei-]

*[bhleistātīs > bleistātīs (bh > b) > blistati (ei > i) > blistati – “интенсивно блестя”] > ст.-сл. **блистати**, рус. блистать, польск. błyszczeć. Ср. санскр. bhīlac – “блестеть, сверкать”;

д) блестять

*[dhloi-]

*[bhloistētīs > bloistētīs (bh > b) > blēstetis (oi > ё) > blēsteti – “блестеть”] > ст.-сл. **блицатиса, блистатиса**, – “блестеть, издавать блеск, сиять светом”, рус. блестять, польск. błyszczeć.

Рассматриваемое гнездо о.и.е. корневых морфем, содержащих близкое семантическое значение, как кажется, постепенно теряло его в разных диалектах племён индоевропейской семьи, отдалённых друг от друга. Корневые морфемы со строгим разграничением содержания становились взаимозаменяемыми. Такое мнение подтверждается приведёнными примерами, где от одного и того же корня развились слова с разной семантикой в отдельных самостоятельных языках или же одна и та же корневая морфема использовалась для образования нескольких слов с разной семантикой.

3. ТЕРМИНЫ: ТЯНУТЬ, ТЯГАТЬ, ВЛЕЧЬ, ВОЛОЧИТЬ, ДЁРГАТЬ

Нижеследующее гнездо о.и.е. корневых морфем, обозначающих приложение усилий для реализации их содержания:

а) тянуть

*[then-]

*[thengnontīs > tengnontīs (th > t) > tēgnōtis (en > ё, on > o) > tēgnōti – “тянуть в одном направлении”] > ст.-сл. **тягнѣти** – “тянуть”, рус. тянуть, белорус. цягнуць, укр. тягти – “влечь, тащить”, польск. ciągnąć – “тянуть, тащить, волочь”, Ср. лит. stėngiù – “напрягать силы”, готск. thins;

б) тягать

*[then-]

*[thengātīs > tengātīs (th > t) > tēgatis (en > ё) > tēgati – “таскать в разных направлениях”] > рус тягать, польск. ciągać. Ср. лит. stengti – “нести, становиться тугим”;

в) влечь

*[ūuel-]

*[ǰuēlkīitīs > ъvelkītis > ъvlēkōitīs > vlēčis (kōi > č) > vlēči (vlēčь) – “тянуть по земле в одном направлении”] > ст.-сл. **влѣцѣти** – “влечь”, рус. влечь, польск. wlec – “тянуть”. Ср. лит. velkù – “тащу”, авест. varək – “тащить”;

г) волочить

*[ǰuōl-]

*[ǰuōlkeitīs > ъvolkeitis > (kei > č, ei > i) > øvolčitīs > volčiti (voločitь) – “таскать по земле в разных направлениях”] > рус. волочить, польск. wlec – “тянуть”;

д) дёргать

*[dīr-]

*[dīrghātīs > dьrgatis (gh > g) > dergati (ьr > er) – “тянуть, тащить резкими отрывистыми движениями”] > ст.-сл. **торгати** – “дёргать, рвать, терзать”, рус. дёргать, польск. targać – “дёргать”. Ср. латышск. dragāt – “дёргать, рвать”, англосакс. tergan – “дёргать”, ср.-в.-нем. zergen – “тащить, дёргать”, нем. Tragen – “нести”;

е) нести

*[nēs-]

*[nēstīs > nesti] > ст.-сл. **нести**, рус. нести, белорус. несці, польск. nieść. Ср. санскр. корень **nak-**, **nik-** – “нести”.

В анализируемом гнезде о.и.е. корневых морфем, содержащих близкое семантическое значение, вероятно, постепенно стиралось их строгое разграничение в диалектах разных племён индоевропейской семьи. Корневые морфемы всё чаще становились взаимозаменяемыми и, наконец, приобрели синонимичность. Это видно в приведённых примерах, где от разных корневых морфем образовывались определённые слова: в немецком языке от корня *[dīr- > tr-] > tragen – “нести”, то есть вместо корня *[nēs-].

SUMMARY

In the article there have been analysed three groups of words which in the Proto-Indo-European language had specific, related in terms of meaning but distinctive semantics (nouns, adjectives, verbs).

The research allows for the statement that once the Proto-Indo-European language had split into a number of separate dialectal groups, the semantic differences within words with related meaning started to gradually disappear and the process was frequently followed by the change of specific roots into roots with different meaning. Therefore, the majority of such terms became synonymous, which has been reflected in the contemporary languages within Indo-European family.

STRESZCZENIE

W artykule zostały poddane analizie grupy wyrazów, które w języku praindoeuropejskim miały konkretną, zbliżoną pod względem znaczenia, ale odrębną semantykę (rzeczowniki, przymiotniki, czasowniki). Poczynione badania pozwalają stwierdzić, że po rozpadnięciu się języka praindoeuropejskiego na szereg odrębnych grup dialektycznych różnice semantyczne w obrębie bliskich znaczeniowo wyrazów zaczęły stopniowo zanikać i często następowała zamiana określonych rdzeni na inne znaczeniowo rdzenie. Terminy te więc w przeważającej części wypadków stały się synonimiczne, co znalazło swoje odzwierciedlenie we współczesnych językach rodziny praindoeuropejskiej.